

О т ч е т

о деятельности Об-ва Изучения Местного Края Автономной Чувашской Области за 1923 год.

(По поручению Совета О-ва составил член С-та Ф. П. Павлов).

I. Личный состав Общества и происшедшие за отчетный период изменения.

Личный состав О-ва за отчетный период несколько увеличился. Увеличение шло, главным образом, за счет роста членов, проживающих в областном центре—в г. Чебоксарах. К началу отчетного периода в О-ве состояло 49 членов и кандидатов. Вновь вступили в члены: 1) Михайлов Г. М., 2) Кириллов Н. К., 3) Колбасов С. Н., 4) Фаддеев Е. Ф., 5) Горский С. П., 6) Яковлев А. Я., 7) Спиридонов М. Ф., 8) Катрамов В. П., 9) Шевле М. В., 10) Шаготовов М. Т., 11) Данилов М. В., 12) Никитин А. Н., 13) Ванерке Н. И., 14) Саперов И. К., 15) Ефимов М. Е. и 16) Ярлыкин А. И.— На основании § 8 Устава О-ва выбыло 4 члена. К 1-му января числилось 60 членов. Из них проживают в областном центре, г. Чебоксарах, 25 членов, в Москве—7, в Ленинграде—3, в Симбирске—5, в Казани—6, в Баку—1, в Уфе—1, в Канаше—1, в Тетюшах—1. Местожительство остальных членов О-ва к 1-му января 1924 года не было известно.

II. Личный состав Совета О-ва.

Личный состав Совета О-ва к 1 января 1924 г. числился из следующих лиц: Лукьянов И. К., Кириллов Н. К. (секретарь), Михайлов Г. М. (председатель), Павлов Ф. П. (тов. председателя), Петров Д. Ц.

III. Работа Совета О-ва.

В отчетном году работа Совета О-ва проявлялась соответственно условиям и обстановке момента для деятельности как О-ва в целом, так и Совета в частности. Особенно интенсивной эту работу признать нельзя, но все же можно считать ее удовлетворительной. Если не было особенно большого количества заседаний, то все же отдельные члены Совета вели подготовительную работу для развертывания более интенсивной деятельности О-ва в 1924 году, в чем теперь приходится воочию убеждаться.

В отчетном году Совет имел 10 заседаний, на которых заслушано 27 докладов, разрешено 32 вопроса. По протоколам заседаний Совета и текущей переписке можно установить, что таковые заседания происходили: 12 февраля, 31 марта, 17 апреля, 6 и 21 мая, 18 июня, 19 июля, 11 августа, 2 и 9 декабря. На заседаниях, кроме текущих дел, заслушано несколько докладов о мерах оживления деятельности О-ва, об увеличении личного состава О-ва, о плане работ на 1924 г., об издании отчета и работ О-ва, о сношениях с другими научными обществами, о командировках членов О-ва в разные города и учреждения, о пересмотре Устава об избрании новых членов, о пополнении библиотеки, об изыскании средств на издание отчета и содержания библиотеки, об оживлении работы Чувашского театра и пр.

Из докладов принципиального значения, ставившихся на заседаниях Совета, следует отметить доклад Председателя О-ва Г. М. Михайлова, читанный на заседании от 6 мая, об оживлении деятельности Чувашской национальной драматической труппы. Докладчик указал, что Общество Изучения Местного Края должно находиться в непосредственной идейной связи с Чувашской труппой, как с организацией, преследующей поднятие культурного состояния чувашских масс. Чувашская труппа с окончанием сезона должна распуститься. Она была наиболее сильною по своему составу. В будущем созвать артистов будет очень трудно. Следовательно, нужно принять меры к тому, чтобы труппе дать возможность существования и в летнее время. Для этого Обществу нужно сказать свое авторитетное слово о необходимости поддержания существования Чувашской труппы и возбудить перед соответствующими учреждениями должное ходатайство.

Приглашенный на заседание режиссер труппы И. С. Максимов обрисовал тяжелое материальное положение чувашской труппы. В заключение указал, что у артистов есть любовь к своему делу и желание работать. Нет только материальной обеспеченности. Необходимо просить областные учреждения об оказании труппе материальной поддержки.

Ф. П. Павлов и И. К. Лук'янов, подтверждая необходимость существования чувашской труппы и поддержания тесной связи О-ва с последнею, указали, что мероприятия О-ва в этом направлении могут выразиться лишь в теоретическом обосновании необходимости сохранения чувашской сцены, подходя к данному вопросу с точки зрения общекультурных и классовых интересов чувашской нации. Для оказания же конкретной помощи чувашской сцене О-во должно сказать свое слово лишь в том смысле, чтобы идейно повлиять в этом отношении на административные учреждения, дабы последние изыскивали способы и средства на нужды чувашской труппы.

Совет постановил: просить Обл. Отд. Народного Образования отпустить необходимую сумму на содержание Чувашской труппы.

IV. Научно-исследовательская и просветительная деятельность Общества.

Общество вело за истекший отчетный период в скромных размерах, насколько позволяли его силы, теоретическую, лабораторную, экспедиционную, экскурсионную и культурно-просветительную работу.

В смысле теоретическом и исследовательском производили работу в г. Чебоксарах члены О-ва И. К. Лук'янов, С. А. Коричев, Ф. П. Павлов, Д. П. Петров, М. П. Петров и А. П. Милли.

И. К. Лук'янов закончил работу по исследованию распространённости трахомы среди чуваш и других народностей Средневолжья. С. А. Коричев приготовил очерк по вопросу об отрицательном влиянии политики самодержавия на состояние и развитие чувашского хозяйства в прошлом. Ф. П. Павлов продолжал начатую им работу по исследованию чувашского фольклора. Д. П. Петров написал на чувашском языке книгу: «Вываш Ахтономла Ошласё» (Чувашская Автономная Область) М. П. Петров продолжал начатую им работу по составлению „Истории чуваш“. А. П. Милли собрал солидное количество сырого материала для изучения истории, этнографии и словесности чуваш.

К категории наиболее крупных исследовательских работ следует отнести гидрографическое обследование территории Чувашской Автономной Области, предпринятое еще в 1922 г. членом О-ва д-ром И. К. Лук'яновым совместно с инженером Ф. П. Шаплыгиным. Последними, на основании взятых за образец гидрографических анкет Академии Наук и Главного Мелиоративного Управления Наркомзема, была выработана особая анкета, которая и была разослана на места в коли-

честве 3.000 экземпляров. В настоящее время получено свыше 1.500 ответов, к разработке которых приступили составители анкеты.

По инициативе Совета О-ва, проф. Н. А. Геркеном производились горно-технические изыскания на территории Чувашской Автономной Области, в частности, по определению мест залегания фосфоритов. Деятельное участие в этом принимали действительные члены О-ва Д. П. Петров и С. С. Шабанов. Исследования обнаружили большие залежи фосфоритов юрской формации около с. Абашева, в Ирар-Ишакском смыве и по пойме Цивилия. Экономическое достоинство фосфоритов определяется их средним процентным содержанием фосфорной кислоты.

О работах иногородних членов О ва, как-то: Г. И. Комиссарова, проф. Н. И. Ашмарина и др., сообщений пока не поступило. Сообщи о своей работе только А. В. Васильев (Казань), что он продолжает работу по собиранию и изучению материалов о татарских местностях в Чувашской Области.

Лабораторную работу вели члены О-ва М. П. Петров и М. С. Спиридонов (художник) в Центральном Чувашском Музее, в г. Чебоксарах. В виду зачитанного отдельного отчета о работах музея, здесь эта работа не указывается.

Из работ М. С. Спиридонова следует отметить его картины, написанные на холсте, на рогоже, тушью и акварелью на бумаге. Картины, написанные в выдержанном чувашском стиле, реально изображают крестьянскую обстановку, национальный быт чуваш, сельско-хозяйственные работы и кустарно-промышленное производство. Всю вторую половину 1923 года М. С. Спиридонов вел работу по подготовке художественной выставки. Общество предполагало открыть выставку в конце июня 1924 года.

Если судить о картинах М. С. Спиридонова по их сюжетам, то М. С. Спиридонов—художник-этнограф подошедший к объекту своей работы, как талантливый исследователь быта. Этнографический жанр его наиболее ярко представлен в следующих работах.

1. Чувашский двор зимой. На этой картине отлично схвачен момент, когда хозяин двора запрягает свою сивку, собираясь куда-то выехать. Перед характерным старинным двухэтажным чувашским амбаром—собралась согласная семья домашних друзей: корова, овцы, куры и пр. Картина привлекает внимание реальностью бытовой обстановки.

2. Чувашская семья в огороде осенью. На фоне отчетливого осеннего пейзажа представлена трудолюбивая семья крестьянина за рытьем картофеля. В саду осыпаются пожелтевшие листья березы, клена и других деревьев. Далеко на горизонте плывут осенние облака.

3. Чувашская семья в избе зимой. Обычная обстановка внутренности чувашской избы крестьянина середняка. Хозяин плетет лапти, ребяташки заняты каждый своим делом, старая бабушка прядет, молодая хозяйка возится около печи. Ей некогда, и она не обращает внимания на маленького, который плачет и тянется к ней своими крошечными ручонками.

4. Жатва. Прелестный, живописный вид ржаного поля. Знойное лето. Легкие, прозрачные облака. Вдали темнеет лесок. На горе деревня. На переднем плане композиции — жниво. Одна из жниц — молодая девушка. Ей жарко. Но несмотря на зной, она не снимает с себя своих любимых серебрянных нарядов, которые так идут к задумчивому выражению ее лица.

5. Весной на грядках. На этой картине изображена чувашка, работающая в огороде. Она сажает лук. Около нее плачет ребенок, мешая ей работать. Уловлен яркий весенний момент, сверкающий своими предестными зеленоватыми красками.

6. Сенокос. Наконец-то сенокос! Крестьянин чувашин, в белой рубахе, засучив рукава, широко размахивает звонкой косой и валит высокую зеленую траву. На фоне веселых, легких облаков красиво выделяются силуэты темнозеленых деревьев. Работа кипит. Чувствуется сильный припек полуденного солнца. Картина приятно ласкает взор своими свежими красками.

7. Норусовский базар. Это типичный, большой чувашский базар. Здесь встречаются и чуваша «туйензи» (верховые) и чуваша «анатйензи», «малйензи» (низовые). На переднем плане русский горшечник. Он торгуется с чувашкой, не хочет ей уступить. А она перебирает горшок за горшком, желая выбрать лучше и дешевле. Из лавки, высунув свою бритую голову, вызывает покупателей юркий татарин. Он раскладывает свой дешевый галантерейный товар и убеждает чувашку купить красный платочек. Общий вид картины пестрый, динамичный.

8. Двор бедного чувашина. (Рисунок). На этом наброске правдоподобно изображены незавидные условия жизни чувашина крестьянина-бедняка. Изба его низенькая, с двумя маленькими покосившимися окнами, крыта соломой, которая местами уже обвалилась. Двор занесен снегом. Кажется, вот вот, холодные сугробы занесут и самого несчастного жителя в этой полуразрушенной лачуге.

9. Тянье рогожи. Щупальцы капитализма пробралась и в темную, мрачную, курную избу чувашина*). Бледные, переутомленные рабочие торопливо и нервно ткут рогожу. У

*) Картина изображает недавнее прошлое. В настоящее время курные избы изжаты.

них сумрачные, серьезные лица. Одежда на них грязная, рваная, руки—худые. Особенно из последних сил бьется молоденькая, худенькая челночница.

10. Этуд. (Масло). На деревянной скамейке сидит бедный старичек горемычный бобыль. Он копошится со своими лаптями. Фигура его жалкая. Видно, не мало испытал нужды и горя на своем веку дед. Художник показал здесь изящную виртуозность своей кисти.

11. В курной избе. По размерам—это наиболее крупная работа. В центре картины—ткачиха. Она ткет за станком холст. Работа ее тяжелая, невеселая, нездоровая. Но она торопится и поэтому не оглядывается даже на соседку в шубе и в красном платочке, которая зашла к ней на минутку—посидеть, поболтать. Эта картина написана с легким налетом импрессионизма.

12. Заслуживают внимания еще два рисунка акварелью. На обоих изображены чувашки вир'ялки (верховые). Они—в своих любимых серебрянных нарядах, приятно консонирующих с фоном белой рубахи. Бабы плотные, фигуры их довольно неуклюжие, ноги тяжелые. Художник схватил именно те черты, которые являются последствием тяжелой трудовой жизни.

13. Девушка в поле. Трудно пройти мимо этой симпатичной молодой жизни, не остановив на ней взора. Это—типичная девушка чувашка Цивильского уезда. Она в рестрой самотканой рубахе, в платке и в белом переднике. Хорошо гармонирует желтый платочек на ее круглой головке с фоном весеннего неба. Черты лица изображены мягкими тонами, скрывающими под собой крепкую, здоровую крестьянскую породу.

Приведенных примеров достаточно, чтобы иметь некоторое представление о творчестве М. С. Спиридонова.

В качестве экспедиционной и экскурсионной деятельности О-ва можно отметить поездку действительного члена Ф. П. Павлова с Чувашским хором на Всесоюзную Сельско-хозяйственную и Кустарно-промышленную выставку. Хор пробыл на выставке с 15 августа по 15 сентября, выступал с огромным успехом, отмеченным на страницах выставочной газеты „Смычка“ и в официальном отзыве Управления Делами ВЦИК,—на территории выставки, в павильоне чувашского двора, в Нескучном саду, на рабоче-крестьянских смычках в г. Москве, на трибуне выставки, на празднике животноводства, на вечерах народностей, в Первом Московском Государственном Университете, в Академии Социального Воспитания, в клубе имени Сталина, в Государственном Институте Музыкальных наук и в Свердловском зале в здании ВЦИК. Кроме того, хор исполнил 10 чуваш.

ских песен для записи на граммофонной пластинке. Во время экскурсии членом О-ва Ф. П. Павловым и позднее И. К. Лук'яновым осмотрены в бывшем Румянцевском музее чувашские фигуры и наряды и таковые признаны несоответствующими современной действительности, а в художественном отношении—репродукцией грубого качества.

По линии культурно-просветительной деятельности О-ва можно упомянуть о двух публичных лекциях, прочитанных в Чебоксарском рабочем клубе действительными членами О ва М. П. Петровым и Д. П. Петровым. М. П. Петров прочитал реферат о предполагаемой древней прародине чуваш. Д. П. Петров об „Экономических основах Чувашской Автономной Области“. Обе лекции прочитаны при большом количестве публики.

У. Общие собрания.

В отчетном году общих собраний членов О-ва было всего семь: 4 февраля, 18 марта, 1 апреля, 23 июня, 22 июля, 2 и 9 декабря.

На заседании 4 февраля заслушан и принят отчет Правления о деятельности О-ва за 1921-22 г. г., читанный секретарем О-ва М. П. Петровым.

На заседании 18 марта заслушано сообщение действительного члена О-ва М. П. Петрова о составленном им опросном листе для собирания названий населенных местностей Чувашской Автономной Области. Предварительно, обращаясь к собранию, М. П. Петров сказал речь, которую, по данным записи, приводим вкратце.

„Изучение родины вызывается не только тем, что она представляет для нас естественный интерес но, главным образом, и, в большей степени, тем, что она является для нас предметом особого участия. Как печально положение родинovedения у нас, Вам, конечно, прекрасно известно,—сказал докладчик. Достаточно указать на то, что у нас не установлена даже местно-географическая номенклатура в ее подлинном виде. Последняя имеет огромное значение, хотя бы только по одному тому, что в именах географических объектов частично сохранился наш древний чувашский язык, и они позволяют делать заключение о происхождении их обывателей или о смене их. Собрание и установление областной географической номенклатуры дело не легкое и непосильное для одного человека. Оно требует много времени и усилий. Здесь необходимо содействие местных органов власти. Примеры подобного содействия бывали и раньше, еще в дореволюционную эпоху. Достаточно указать на то, что в 1874 году вышла книга под названием „Заметка о городищах, курганах и других древних земляных насыпях

Казанской губернии^а, составленная на основании донесений Волостных Правлений и в настоящее время представляющая недоступную библиографическую редкость^а.

Затем докладчик М. П. Петров огласил предложенный им опросный лист, который приводится в качестве приложения к о-ту.

На заседании 1 апреля происходили пере выборы состава Правления О-ва. Затем заслушан доклад действительного члена О-ва А. П. Милли о его поездке по Чебоксарскому и Цивильскому уездам для собирания материалов по изучению истории, этнографии и словесности чуваш. А. П. Милли в конце лета 1922 года был командирован Обществом в Чебоксарский и Цивильский уезды для собирания памятников истории и словесности чуваш. В командировке он, вопреки ожиданию, пробыл долго, около 8 месяцев. За время своей командировки А. П. Милли исколесил вдоль и поперек всю восточную часть Чебоксарского и северо-восточную часть Цивильского уездов. Здесь достойно отметить исключительную самоотверженность и любовь к своему делу нашего собирателя. А. П. Милли, подобно известному русскому собирателю народных песен Якушкину, исходил этот край по способу пешего хождения, перебираясь из одной деревни в другую, будучи притом крайне невзыскательным в отношении самого необходимого: питания и теплой одежды. А. П. Милли отыскал много ценных материалов по археологии края. Добытые во время командировки ценные книги и другие вещи А. П. Милли привез в Чебоксары и сдал в Центральный Чувашский музей. А. П. Милли записал порядочное количество народных песен, исторических преданий, сделал зарисовки с надписей на каменных досках, записал много сказок, пословиц и пр. К сожалению, доклад его не записывался, вследствие того, что докладчик обещал дать О-ву свои материалы в письменном виде. Однако, этого он не успел сделать, в виду отъезда в Москву в качестве представителя от Выставочного Комитета Чувашской Области на Всесоюзной С. Х. и К. Пр. выставке, а затем поступления его в студенты в Московский Институт Восточных Языков.

На заседании 23 июля заслушано библиографическое сообщение проф. Н. И. Ашмарина о книге финского ученого Ряссенена под названием „Чувашские заимствования в черемисском языке“. Доклад происходил при огромном количестве публики, собравшейся послушать популярного профессора чувашевода. Ниже приводится запись этого доклада.

„В Западной Европе,—так начал свой доклад проф. Ашмарин,—отражение научных интересов о чувашах, начавшееся лет 20—30 тому назад, теперь стало быстро усиливаться. Научное движение в пользу истории чуваш особен

но сильно начало развиваться после того, как стало известно, что чувашаи потомки древних Волжско-Камских болгар. Вместе с тем в Западной Европе стали интересоваться и происхождением чувашского языка и его отношением к остальным языкам в семье тюркских языков. В результате этого интереса и появилась написанная на немецком языке книга Мартина Ряссенена о заимствованиях из чувашского языка в черемисском языке.

Какое же значение имеет эта книга для исследования чувашского языка?—задается вопросом докладчик. И, в ответ на поставленный вопрос, разъясняет предисловие автора. В „предисловии“ говорится, что до настоящего времени не было работы, в которой были бы исследованы чувашские заимствования в языке черемисском.

По мнению докладчика, Ряссенен очень подробно разбирает чувашские слова, попавшие в разное время в черемисский язык. Он берет, главным образом, именно чувашские слова, а не другие, например, не татарские, тоже схожие с приводимыми словами, как тюркские.

Отмечая метод работы автора, проф. Ашмарин говорит, что метод Ряссенена вполне научный. Труд отличается большой эрудированностью, точностью. Сравнения чувашских слов с черемисскими основаны на критическом разборе примеров. Материал для сравнений берется безупречный. При сравнениях Ряссенен берет во внимание и исторические условия существования слова, что особенно важно для научной лингвистики. Слова располагает по группам звуков.

Раньше были, —говорит далее докладчик,—лишь разрозненные попытки осветить вопрос о связи чувашского языка с черемисским. Ряссенен устанавливает точный факт, что в черемисском языке много чувашских слов. Характерно при этом то обстоятельство, что чувашские слова, попавшие когда-то в черемисский язык, сохранились несколько в иной форме, чем в современном чувашском языке. Причем, слова эти заимствованы несомненно очень давно и, вероятно, в разные эпохи. Это видно из следующего анализа слов.

Например, чувашское слово „*хӓма*“ (доска) в черемисский язык перешло в форме: „*хӓмӓ*“. Древнее чувашское произношение этого слова „*хӓмӓ*“. Теперь в этом слове носовой звук „*ӓ*“ исчез. Комар по-черемисски: „*шӓна*“, по-чувашски: „*шӓна*“ (муха). В чувашском произношении носовой звук в этом слове исчез. Эти примеры показывают, что было время, когда в чувашском языке существовал носовой звук „*ӓ*“. Теперь же этот звук в чувашском наречии исчез, но сохранился и существует в черемисском *) . Следовательно,

*) Остатки его сохранились в чувашском языке и до сих пор, например, в словах: *унӓ*, *манӓ* и др.

чтобы изучить историю чувашского языка, необходимо знать и черемисский язык.

В книге Ряссенена приводятся,—говорит докладчик,—чувашские слова, попавшие в черемисский язык и в более позднюю эпоху, именно, в то время, когда в чувашском языке носовой звук „*н*“ как таковой, исчез и обратился в звук „*м*“. Это можно видеть, например, в черемисском слове: „*кумул*“. Почему нужно думать, что это слово взято из чувашского языка? Потому что, как поясняет автор книги,—говорит докладчик,—подобного слова ни у какого другого народа нет.

Переход старинных звуков, исчезновение их и замена их другими звуками,—поясняет докладчик,—обуславливается в иных случаях т. н. ротацизмом. Например, древне-тюркский и турецкий „*з*“ в чувашском языке переходит в „*р*“. Тюркское слово: „*айаз*“ в чувашском употребляется: „*ойар*“ или „*уйар*“, причем, „*а*“ также переходит в „*о*“ или „*у*“. Татарское „*алма*“—по-чувашски „*олма*“ или „*улма*“. Таким образом, благодаря ротацизму, „*з*“ метаморфозировался в „*р*“.

В книге рассматриваются и такие чувашские слова,—говорит докладчик,—которые в черемисском языке сохранились, но в последующее время в чувашском языке исчезли. Таково, например, горно-черемисское слово „*шанса-хал*“. У чуваш это слово теперь произносится „*шус-харши*“ (бровь). Эта странность легко объясняется при помощи тюркского языка. Бровь, по тюркски—„*каш*“. Тюркский „*ш*“ в чувашском языке переходит в „*с*“. Это явление называется ламбдацизмом. В прежнее время в тюркских языках „*ш*“ произносился шепеляво. С течением времени он в черемисском языке отразился в „*т*“, а в чувашском в „*р*“. Получилось „*хар*“, „*харши*“. Таким образом, исконное чувашское слово „*хал*“ сохранилось в черемисском языке, но уже исчезло в чувашском. Отсюда, знание черемисского языка открывает нам древнее состояние чувашского языка.

В сочинении Ряссенена указываются некоторые слова, которые, по мнению автора книги, тоже перешли в черемисский язык из языка чувашского, но, на самом деле,—говорит докладчик,—эти слова не чувашского, а арийского происхождения. Например, слово „*карас*“ (соты). Оно заимствовано из литовского языка.

В книге указываются также слова, взятые и чувашами из черемисского языка. Например: „*чекес*“ (попасть) „*лотра*“ (низенький) и др. Но таких слов немного.

В качестве недочетов сочинения, докладчик отмечает встречающиеся местами недостаточно обоснованные сравнения и сопоставления слов. Например, черемисское слово „*мамарлин*“, означающее удовольствие, автор произво-

ит от чувашского „*мӑлмӑр*“ (похмелье). Это слово правильно сопоставить с арабским „*мамурук*“, выражающим благодарность гостя. Также автор неправильно производит черемисское слово „*пукане*“ (кукла) от татарского „*багана*“. Татарское „*багана*“ означает столб. Докладчик утверждает, что слово „*пукане*“ несомненно чувашского происхождения. На что похожа кукла? На нарядную женщину, барыньку, „*пиге*“ (*пиге*—чув. красотка). Чуваши некоторых местностей говорят „*пугене*“ или „*пиген*“, слово, происшедшее от „*пиге*“ (чит. *пиге*) с уменьшительным окончанием „*не*“. Это же слово чуваши других местностей произносят „*папак*“ (чит. пабак). У татар есть *печене*“. Бебе значит ребенок. Но у татар это слово означает не самого ребенка, а зрачек глаза, в котором можно видеть маленькое отображение человека („*человечек глаза*“)

Доклад, а затем последовавшие на вопросы ответы проф. Н. И. Ашмарина произвели огромное впечатление как новизной предмета, так и поразительно глубокой ученостью докладчика, неисчерпаемей эрудицией, позволявшей профессору пользоваться примерами чуть ли не из 20 разных языков тюркской семьи и оперировать языками индо-европейского происхождения также, как и родным ему языком.

На заседании 22 июля заслушан доклад действительного члена О-ва Ф. П. Павлова под названием „*Чуваши, их песенное и музыкальное творчество*.“

Как видно из протокола, докладчик сообщил, что под таким названием им задумано обширное сочинение, которое в настоящее время закончено лишь вчерне. Сочинение распадается на две части, заключающие в себе 10 очерков.

Первый очерк содержит обзор этнографической литературы о песенном и музыкальном творчестве чуваш, а также сборников чувашских песен.

Второй очерк посвящен вопросу об историческом развитии народного песенного и музыкального творчества в связи с происхождением и историей самих чуваш. В очерке затронуты тунский, болгарский и собственно-чувашский периоды.

В третьем очерке даются краткие сведения о физическом типе чуваш и характеристика их духовно-нравственного мира вообще и развития у них музыкального слуха в частности,—по данным этнографической литературы о чувашах.

Четвертый очерк посвящен изображению чувашского народного быта в главнейших его проявлениях, тесно связанных с пением, музыкой, танцами, общественными играми, массовыми праздниками и различными языческими обрядами

В пятом, самом обширном из очерков, рассматриваются чувашские народные песни по их видам, содержанию и дается характеристика их с художественно-эстетической точки зрения, при чем автор широко пользуется так называемым художественным методом.

Пятым очерком заканчивается первая часть сочинения.

В шестом очерке, относящемся к второй части, дается опыт исследования стихосложения чувашской народной песни, при чем, отдельно рассматриваются метрика и ритмика народного стиха, его эвфония и строфика.

Седьмой очерк представляет из себя также опыт исследования ритма, но ритма чисто музыкального, песенного. Здесь рассматривается музыкальный ритм чувашской народной песни, танцевального мотива, ритм самого танца, такты, их размеры, дробление и различные виды ритма (фасоны).

Восьмой очерк, не менее обширный, чем пятый, посвящен исследованию мелодического строения чувашской народной песни и танцевальной музыки. Рассматриваются древнейшие звукоряды, пятитонная гамма и позднейшая конструкция чувашской гаммы, модуляция, строи и зачатки инструментальной гармонизации в танцевальной музыке (гусли).

В девятом очерке рассматриваются музыкальные инструменты у чуваш в связи с историческим происхождением описываемых инструментов и отношением их к музыкальным орудиям других народов.

В десятом и последнем очерке особым вопросом выдвинуты проблемы о происхождении, характере и развитии чувашской музыки, об отношении чувашской музыки к китайскому мелосу, об общетюркском монизме в чувашском мелосе и позднейших влияниях на чувашскую музыку со стороны русской и европейской музыкальной стихии.

Из очерка выделены некоторые вопросы частного характера, которые рассматриваются в приложениях к очеркам.

Докладчик, кроме общего плана сочинения, ознакомил собрание лишь с первым очерком. В заключение указал на скудость этнографической литературы о песенном и музыкальном творчестве чуваш. На этом основании докладчик полагает, что его труд представляет пока первую и единственную работу в данной области. В виду чего, нужно полагать.—говорит докладчик, в работе возможны промахи, которых последующие исследователи не допустят. В этом автор находит себе утешение. Кроме того, докладчик указал, что его труд в основном своем виде написан на чувашском языке.

На заседании 2 декабря заслушан нормальный устав О-ва, присланный Отделом Управления Автономной Чувашской Области при отношении от 5 июля за № 2958.

На заседании 4 октября заслушан и принят проект нормального устава О-ва с изменениями и дополнениями применительно к местным условиям в пределах Автономной Чувашской Области.

Кроме того в июле месяце 1923 г. членом С-га, д-ром И. К. Лук'яновым, по поручению Совета О-ва, прочитан доклад на Областной конференции деятелей народного просвещения на тему „Краеведение, его сущность, значение и будущие перспективы вообще и в пределах Чувашского края—в частности“.

Ниже помещаются тезисы этого доклада, представлен-
и е самим докладчиком;

1) Краеведение это система знаний по различным отраслям жизни, объединенная по признаку территориальности и выявляющая все специфические особенности природы и жизни местного края.

2) Краеведение пользуется для своих построений и выводов материалами целого ряда наук: этнографии, антропологии, геологии, сравнительного языкознания, истории, медицины и т. д. Она связывает все эти сведения о местной территории, в единое целое, что и дает полное, всестороннее, действительно объективное понимание сущности всех явлений, происходящих в данной местности, дает понимание их связи и значения в процессе развития всего государства, объединяющего целый ряд таких местностей.

3) Инициатива краеведческой работы во всех странах принадлежала в значительной мере обществам изучения тех или других территорий (государств, губерний и т. д.).

На первом месте по своей значительности и содержательности трудов и своих членов стоят следующие общества: „Общество Этнологии, Антропологии в Париже“, „Смитсоновский институт в Вашингтоне“, „Британский Антропологический институт“, „Немецкое о-во Антропологии, Этнографии и Истории“.

В России главное место принадлежит: Академии Наук, Московскому о-ву Естествознания, Антропологии и Этнографии, а также Русскому Географическому обществу.

В Волжско-Камском крае первенствующую роль в краеведческом отношении из всех обществ занимает „Общество Археологии, Истории и Этнографии при Казанском университете“.

В новейшее после революции время возникли новые, еще молодые о-ва, к каковым относится и Общество изучения местного края Чувашской Автономной Области.

4) Задачи краеведческой работы, а следовательно, и всех краеведческих обществ является прежде всего изучение природы края, его ископаемых богатств, почвы, флоры,

фауны, палеонтологических отложений, затем—изучение самого населения местности в расовом, бытовом, лингвистическом отношениях и, наконец, изучение самого человека в его специфической обстановке, особенно останавливаясь на самых крупных событиях из его жизни: рождении браке, смерти, на роли его в социальном, государственном и прочих отношениях.

5) Волжско-Камский край, в который входит и территория жительство чуваш (бывш: Казанская, Симбирская, Самарская и Уфимская губернии), еще недостаточно изучен. Политическая конъюнктура прошлого тормозила культурно-экономическое развитие народностей края, в частности и чуваш, ассимилируя их грубо, механически,—этим самым зачастую стирала индивидуальное лицо той или другой нации. А между тем чувашский народ, например, таит в себе и в своей жизни, как потомок и носитель культуры Волжских Булгар, не мало ценностей обще-европейского значения.

Этим только и можно объяснить то лихорадочно-страстное движение, которое охватило в новейшее время ученый мир в смысле изучения чуваш, их предков-булгар и территории, занимаемой ими (ученые ориенталисты: Куник, Радлов, Мункачи, Паасонен, Ряссенен, Златарский, Ашмарин и др.)

Тем больший интерес и большая ответственность ложится на культурные силы чувашского народа в смысле внесения ими своей лепты для развития краеведческой науки, несущей знание, а с ними вместе и открывающей пути для культурных достижений.

В заключение докладчик указал на работу, проделанную Обществом в период с 1921 г. по июль 1923 г. и на краеведческую литературу, полезную для участников конференции.

VI. Библиотека и Музей Общества.

Библиотека Об-ва находится в здании Центрального Чувашского Музея. В библиотеке имеется около 3000 названий. За отчетный год библиотека дополнилась книгами, кроме привезенных А. П. Милли из своей командировки, присланными различными обществами краеведения. Особого библиотекаря Об-во за неимением средств не нанимало. Составление каталога закончено. Книги выдавались всем членам и сотрудникам, обращавшимся в библиотеку.

Музей, собственно, не является учреждением, подведомственным О-ву. Он носит название Центрального Чувашского Музея и находится в ведении Областного Отдела Народного Образования Автономной Чувашской Области. Но тем не менее, Музей для О-ва служил постоянной лабора-

е 1 или занятий. Заведующий Музеем упомянутый выше С Спиридонов и сотрудник Музея М. П. Петров—оба тоят действительными членами О-ва и ведут активную юту как члены О-ва, каждый по своей специальности. ме того, нередко и заседания Совета О-ва и общие рания членов О-ва происходили в помещении Музея.

VII. Работа ученических секций О-ва.

За отчетный период организована студенческая секция О ва в Чебоксарском Рабфаке Организационное собрание происходило 11 января. На собрании от имени О ва выступил с приветственной речью действительный член О-ва Ф. П. Павлов, который указал на роль и значение студенческой секции в работе О-ва. На этом же собрании происходили выборы руководителей секции. Выбраны: Председателем Секи ии студент 2-го курса Прячук, секретарем—студентка " г " курса Органдеева. Секция имела ти общих собрания Одно—организационное 11 января, а остальные два 4 и 25 марта.

На собрании 4 марта действительный член О-ва Ф. П. Павлов сделал доклад на тему: „Понятие чуваш о красоте по народным песням“.

Сод ржание доклада, восстановленное по протоколу, вкратце сводится к следующему:

„Мно о внимания уделяется в народных песнях понятие о красоте, красивым предметам вообще, красивой внешности чуваш и, ее нарядам, физической и духовной силе чувашна

Красив и приятен на вид лес, когда в нем березы начинают распускать первые листья, прелестны сады и огорды, когда в них цветут всевозможные цветы, в особенности, когда пурпурно-красный мак раскрывает свои махровые лепестки; приятно смотреть на поле или на луг, когда там зеленеет молодая травка и своей широкой зеленой полосой ласкает утомленный в течении зимы взор; красив вообще м р, когда в нем сияет всемогущее солнце и своими огненными лучами озаряет все окружающее пространство, а улица очаровательна тогда, когда вечером молодежь играет в хороводе, пляшет и песни поет.

Так говорится о красоте предметов в песне:

Хурйи сулси сурласаан	Когда береза листья распускает—
Килет вярман илемё,	Зарождается красота в лесу,
Хурйи сулси такансап	Когда осыпаются листья березы—
Кайы вярман илемё.	Умирает красота леса.
Макац сески сурласаан	Когда цветет мак—

Килет пахта илемё,
 Мăкăш сески тăкăнсан
 Кайаф пахта илемё.
 Хирти курăк йĕшĕрсен
 Килет хирĕн илемё,
 Хирти курăк типĕнсен
 Кайаф хирĕн илемё.
 Хёвел хёрексе тухнă зух
 Килет тĕнже илемё,
 Хёвел анса ларсассан
 Кайаф тĕнже илемё.
 Хёрсем ваййа тухсассан
 Килет урам илемё,
 Хёрсем вайран кёрсесĕн
 Кайаф тĕнже илемё.

Как же не быть красоте? Девушки что звезды на высококом куполе, а парни—что петербургские шеголи:

Тăн тўпере сит зăлтăр
 Ситĕшĕ те сит зăлтăр,
 Пирĕн вайра ситмĕл хĕр

Ситмĕлĕш те сит зăлтăр.

Кăвак зезек тăррисем
 Вĕт улаза тăррисем,
 Ай, хай, пирĕн йулташшем
 Питĕрпурайн ликисем.

Чуваши любят высокого, стройного, вообще росло о человека, обладающего большой физической силой, с здоровым румянцем на полном лице, с звонким и чистым голосом, с легкой походкой. В песне любимая девушка представляется такою статною, что по красоте с нею в этом отношении может поспорить разве только прямой и красивый ствол волжской ивы, растущей на островах. Голос у ней тоже красивый, точно лебединый:

Савни аваф шыв хĕрне
 Сассинеле йурласа,
 Сасси аваш сасси пек,
 Пёвĕ Атăл хăви пек.

Огород красив,
 Когда осыпаются лепестки мака—
 Красота его исчезает.
 Когда в степи трава зазеленее —
 Зарождается красота в степи,
 Когда в степи трава засыхает—
 Красота степи блекнет.
 Когда румяное солнышко восхо. ит
 Зарождается красота в мире.
 После заката солнышка—
 В мире умирает красота.
 Когда девушки играют на улице
 Улица бывает прелезна,
 С уходом девушек с улицы—
 Меркнет красота улицы.

На высоком куполе семь звезд —
 Все семь звезд—яркие звезды.
 В нашем хороводе семьдесят де-
 душек —
 Все семьдесят писанные красавицы

Синенькие цветочки,
 Как узоры «улаза»*),
 Ах, ведь, и наши товарищи
 Как петербургские красавцы*).

Милая спускается за водой,
 Голосом своим распевая,
 Голос ее точно голос лебеда,
 Стан ее точно волжская ива.

Тот же образ девушки крестьянки встречается в несколько видоизмененном виде. Стройность фигуры сравнивается с прибрежным камышем, а голос с ласкающим пением соловья.

*) Улаза—род самотканной материи, крашенки.

**) Перевод везде вольный.

Сини и шнаф шыв хёрне
Хипи слысине Яантратса,
Сини шнафшк еасси пек,
Шнаф хамш пёвё пек.

Милая спускается за водой,
Звезя голосом своим,
Голос ее, как пение соловья,
Фигура ее стройна, как прибреж-
ный камыш.

Статность фигуры в соединении с красотой лица—самое ценное в наружности девушки. Красиво сложенную девушку примечают с малолетства.

Хёвед питёнзи курака
Иур айёнзен куэ кураф,
Хитре йаштак хёрсене
Самракранпах куэ кураф.

На солнышке раннюю травку
Еще из под снега замечают,
Красивых и статных девушек—
Еще с малолетства отличают.

Красивую фигуру, как незаменимое достоинство, сознают и сами девушки: муж будет счастливым обладателем статной жены. Но кто же может быть этим счастливецом? Вот вопрос...

Каятёксене уса йарса
Кампан кёне касатёр?
Йаштак пёне такёр куэса

Раскрывши окна своих горниц,
Для кого вы шьете рубашки?
С стройным станом, с синими глазами

Кам телепшён үсетёр?

Для какого счастлинца вы растете?

Вообще же взгляд чуваш на красоту, соответствующий пантюркскому, приблизительно таков: фигура стройная, талия тонкая, лицо продолговато-овальное и румяное, волосы длинные, глаза черные, большие, голос звонкий, походка быстрая и легкая.

Айёр. херсем. утари?
Утар сёрне ситери?
Утар серёнзе мёскер пур?
Икё кавра пур, тефсё.
Икё кавра мён ыята?
Икё сарё хёр ыята—
Кусё хура пултёр, тет.
Пилёке синзе пултёр, тет.
Утти сёмал пултёр, тет.
Сүсё вара пултёр, тет.

Не пойдём-ли, девушки.
До Удорской земли не дойдём-ли?
А что есть на Удорской земле?
Говорят: там есть два добрых молодца.
А что им надобно?
Говорят: двух красных девушек—
И чтобы глаза были черные,
Талия чтобы была тонкая,
Походка чтобы была легкая,
Волосы чтобы были длинные.

Предпочтение отдается той, у которой полное и румяное лицо*):

Афялташна мафялташ
Пирён пахара пулаф вёл,
Тулли питлё сарё хёр
Пирён йалга пулаф вёл.

„Афялташ“ и „мафялташ“ *)
Только в нашем саду бывзюют;
Красавицы с полным лицом
Только в нашей деревне расгуют.

*) Полнота лица чувашек зависит от развития скуловых костей и подкожной жировой клетчатки.

**) Слова непереводимые, означают: игру, веселье, смех детей.

Сўлте сьлтър пиг нăмай.	На небе много звезд,
Сапсутгийне пѐрехсех;	Но из них яркая только одна;
Йалта хѐрсем пиг нăмай.	В деревне много красавиц,
Хѐрлѐ питии пѐрехсех.	Но из них румяная только одна.

В следующей песне восхваляется Альшеевская девушка, которая ходит легкой походкой.

Аслă сўлтан такар кам?	Что ровнее большой юрты,
Урала йѐрри палăрмасѐ.	Незамѣтны на ней следы голуб?
Елшел хѐрѐнѐен саттур гам?	Кто моложе цыганки Альшеевской
	девушки,
Сиксе утни палармасѐ.	Незамѣтны ее быстрые шаги?

Красавица должна носить и соответствующие ее красоте наряды. На голове— „тохйу“ *), на шее— „шăрса“ **), „ама“ ***), на груди „шўлкеме“ ****), на талии цветной пояс. Без этих украшений молодая девушка не может считаться красивою:

И ту зипер, ту зипер,	Вот ровная, красивая гора,
Ту аявки сул зипер;	Только на ней указанная дорога;
Вы замашкан, кулмашкан	Цогрять и посмеяться—
Тухйа пуслă хѐр зипер.	Лишь девушка тохьяноста хороша.

Хура вăрманъ илем кемесѐ.	Чернолиственный лес еще не
	так красив,
Сѐмерт зѐзеке лармасан:	Пока в нем не расцветет чере-
	муха;
Самрăк хѐрсене илем кѐмесѐ.	К молодой цыганке еще не при-
	стала красота
Кѐмѐл тенкене сакмаса.	Пока она не носит серебрянных
	денег.

Серебро национальный наряд чувашки. Обычай носить серебрянные наряды возник у чуваш исторически, вероятно, в те времена, когда этот металл считался наиболее ценным и красивым из всех других, и, вероятно, прежде всего у зажиточных чувашек, чтобы отличиться от бедных девушек. На языке научной эстетики причину последнего явления можно объяснить так называемым „пафосом расстояния“.

Параллельно с понятием о красоте в чувашских народных песнях можно встретить и представление об уродстве. Надо заметить, что физическое уродство, возбуждающее

*) Маленький к тапачк яв и этной мас рин, увязанный мѣл ин бусами, или серебрянными и нѣтами.

**) Бусы

***) Серебрянное монисто.

****) Красивый набор серебрянных монет в виде прямоугольника.

нравственное сочувствие, не высмеивается. Народный дух в этом отношении достиг высокой степени гуманности. Наоборот, песня клеймит только тех людей, которые, имея наружную привлекательность, показали себя в обществе с дурной сороны и тех людей, которые, сами не обладая красотой, хотят казаться красивыми или, по крайней мере, мнят о себе что они красивы.

Хайар дулси хайах пек,
Хайаррессем хайра пек;
Хёрё пэхма хёвел пек,
Ашёрикки хура йун.

Огуречные листья, как осока,
Огурцы, как точильные камни;
Смотреть—девушка, как солнце,
А внутри ее бежит черная кровь.

Или еще:

Тёя писиххи чылатар,
Пилёв синтё гинотер:
Питёро писёв сёретёр.
Епёр зыпер тийёйёр.

Кожанным ремнем подпоясывается
И говорите: талия моя тонка;
Лицо мажете красильниками
И хвастаете; как мы красивы!

Самое неприятное для девушки чувашки быть „хура та лутра“ (низенькою да черненькою). Но почему? Среди чуваш брютеты в преобладающем количестве, из них красивые типы встречаются нередко. Однако, по народным песням, родиться „черненькою да низенькою“—это несчастье. Эта странность легко объясняется следующим рассуждением. В песне, очевидно, смешиваются два сходных между собою понятия: „хура“ (черный) и „хура“ (грязный). Следует при этом иметь в виду, что в содержание понятия „хура“ в смысле „грязный“, „грязное лицо“ входит неприятное представление о тяжелом, черном, грязном, изнурительном крестьянском труде. Крестьяне чуваша говорят: „хура ёс“ (черный труд), „хура халих“ (черная масса, трудовой народ). От этого „черного“ крестьянского труда безвременно грубеют черты лица, утрачивается выразительность взгляда, становится неуклюжею фигура, как-бы пригибается к земле, делается „низенькою“. Разумеется, такую быть никому из девушек нежелательно. Вот почему для девушки даже, несчастье родиться „низенькою да черненькою“.

От мужчины требуется не столько красоты, сколько обладание физической силой и нравственным достоинством. Лучшим считается тот, кто вообще умеет постоять за свое достоинство. Про сильного и здорового мужчину чуваша говорят—„вёл кашкёр пек вэйлэй“ (он, как волк силен), „вёл кашкёртанта хёрамас“ (он и волка не боится), „вёл кашкёр та тётса вёлерё“ (он и волка задушит). Для гиперболического изображения неуклюжей физической силы приводится медведь. Но в песне медведь не воспевается. Он любимый зверь в сказках и преданиях. В песнях любимый об-

раз мужчины таков: хорош тот мужчина, который в гордом сознании своей силы подобен одинокому волку, самому красивому и сильному из зверей нашей фауны. В самом деле, представим себе „серого“, одиноко выходящего ночью из своего логовища на охоту или среди дня неторопливо перебегающего полем мимо жнецов, иренебрегая опасностью быть убитым людьми. Это ли не сила?

Обратимся к песне. Вот деревенская улица. По ней мимо окна своей возлюбленной проходит „йкеш“—джигит, удалой молодец, парень, который сознает в себе достаточно силы, чтобы не побояться кого либо: идет он, широко размахивая руками, чуть заметно покачиваясь корпусом, и вся его фигура выражает: мне то что? Вот—я иду, хочешь—погляди, „никама та парйи мастал“ (никому так даром не дамся). Из окна украдкой глядит на него черноокая красотка. Она прозожает его глазами до тех пор, пока тот не скроется из виду. Тогда она снова садится за работу и думает. Вспоминает она, как, однажды, летом во время уборки хлеба, над противоположным высоким обрывом из молодого кустарника показался волк, Ребятишки испугались и подняли рев. Мужики схватили дубины, топоры и побежали за волком. Волк презрительно оскалил зубы и, помахивая своим пушистым хвостом, неторопливо скрылся в кустарники. Точь в точь такой же сильный и гордый возлюбленный нашей красотки:

Сарт хёррипе кашкар пыраф,	На (обрывом волк (бежит),
Хури вёсне сулласа;	Хвостом своим чуть помахивает,
Урампала йёкёт пыраф,	По улице жинг идет,
Ик аллине сулласа.	Обоими руками размахивает.

Приведенный доклад прочитан на чувашском языке.

VIII. Издательская деятельность Общества.

В настоящем 1924 году Общество вступило в 4-й год своего существования. Но до сих пор, несмотря на все принятые меры, оно не успело ничего издать. Чем это объясняется? Прежде всего, как сказано выше, за эти годы Общество уделяло свое внимание на организационную сторону дела. В годы стихийного голода, охватившего Поволжье, в том числе и Чувашскую Область, нашему молодому Обществу стоило исключительной напряженной деятельности для того только, чтобы выжить, сохранить себя. Этим обстоятельством и объясняется сравнительно малое количество общих собраний О-ва и заседаний Совета за истекший год,—год, несомненно бывший неблагоприятным для работы, вследствие пережитых условий голодного периода. Во-вторых, в истекшем году, как и в предыдущие годы у

Общества вовсе не было денежных средств, так что нельзя было и думать о том, что оно в состоянии будет издать что-либо, хотя бы самый краткий отчет о своей деятельности. Но работа по подготовке к изданию непрерывно росла как у Общества в целом, так и у отдельных членов в частности.

Из числа изданных и подготовленных к изданию работ, — на исключением отчетов о деятельности О-ва, следует называть такие труды:

1. М. П. Петров—История чуваш (не зачитано).
2. Йуман—Ахтономля Тăваш Оплăсĕ (стр. 181.).
3. Д-р И. Н. Лук'янов—Трахома и ее распространенность среди народностей Средневолжья.
4. С. А. Коричев—Заметки к вопросу по истории народностей Поволжья и Приуралья.
5. Проф. Н. И. Ашмарин—Опыт исследования чувашского синтаксиса, ч. II (стр. 276).
6. И. Н. Юркин—История чуваш (не зачитано).
7. Ф. П. Павлов— „Сăрнай“. Сборник гармонизированных чувашских народных песен (стр. 56).
8. Ф. Т. Тимофеев—Чувашская грамматика. (Фонетика и морфология).
9. Д-р И. Н. Лук'янов. Чувашский Край (медико санитарный очерк).

Общество с удовольствием констатирует, что из названных трудов некоторые изданы Чувашским Отделением Госиздата, например: 1) Йуман (Д. П. Петров): „Ахтономля Тăваш Оплăсĕ“ (Авт. Чув. Обл.), 2) „Сăрнай“ (сбор. гарм. чув. песен) Ф. П. Павлова, 3) „Чувашская грамматика“, (фон. и морф.) Ф. Т. Тимофеева и Чувашским Областным Союзом потребительных об-в: „Опыт исследования чувашского синтаксиса“ проф. Н. И. Ашмарина.

Ниже реферируются некоторые из названных трудов.

1. Йуман. „Тăваш Ахтономля Оплăсĕ“. Чтобы судить об этой книге, не лишне вспомнить, что в прежнее, дореволюционное время о таких достижениях, как появление книги Йумана, думать и мечтать не приходилось. Сочинение это, прежде всего, написано на чувашском языке. Автор его принадлежит к старшему поколению чувашских революционеров. Через всю книгу от начала до конца красной нитью проходит сознание автором колоссально-тяжелых условий прошлой исторической судьбы чувашского народа, его классовой приржденности и задушенности в эпоху самодержавия, сознание трудности промышленного возрождения при экономической отсталости края, являющейся следствием отрицательного влияния колонизаторской и империалистской политики русских царей. Но автор глубоко верит в потенциальное, несомненное богатство духовных сил чувашского

народа и в способность его к культурному развитию при таких благоприятных условиях, как наличие советского строя в С. С. С. Р., автономное существование чувашской нации и направление просветительного дела по руслу западно-европейской культуры в отличие от большинства прочих мелких народностей, имеющих ориентацию на мусульманский восток.

Труд распадается на 4 части. Первая часть посвящена территориальному обследованию Области в отношении географическом, геологическом, орографическом, гидрографическом, климатическом, флоры, фауны, ископаемых богатств, топографическом и пр. Вторая часть рассматривает народное хозяйство Области: сельское хозяйство, кустарную и промышленную промышленность, транспорт, торговлю и кооперацию. В третьей части описывается народ, его культура, образ жизни и быт. В частности указывается, кто жил раньше на местах теперешних поселений чуваш, описывается происхождение чуваш, их история, рассматривается наружный вид и физическое строение чуваш, их умственный уклад, состояние народного образования, степень развития языка, культурности, искусства, литературы. В последней части описывается быт, верования и пр.

К числу крупных достоинств сочинения нельзя не отнести и то, что оно написано автором богатым в лексическом отношении и общелитературным языком. Отдельные положения и вопросы разработаны с тонким пониманием сути дела и присущей автору редкой универсальностью, в особенности, в вопросах исторического и экономического характера. Уверенный и смелый марксистский подход, с каким написана вся книга, еще более увеличивает ее достоинство.

2. Труд д-ра И. К. Лук'янова „Трахома и ее распространенность в Волжско-Камском крае“ приходится, согласно отзывам специалистов, отнести к разряду научно-исследовательских работ. Труд прочитан на заседаниях О-ва от 6 и 20 апреля 1924 г.

Автор его врач-окулист. Эта работа изобилует большим сырьевым материалом, главным образом, статистического характера. Основные положения, оригинальные по замыслу, опираются на богатую литературу как медицинскую, так и статистико-этнографическую и антропологическую.

Наиболее выпуклая и значительная глава работы этно-статистика распространенности трахомы среди народностей Средневолжья. Приводим важнейшие цифры. Если принять за центр г. Симбирск, то на территории, расположенной вокруг этого места, на 1. 126.000 чуваш приходится трахоматозных больных 45, 3%, слепцов—1, 4%. На 1.450.000 та-

тар Т. С. С. Р. насчитывается трахоматозных 16,9%. На 39 (100) марийцев—55, 7%. Среди русских бывшей Казанской губ трахома имеет 7,3% больных, Симб. губ.—10,2%

Не менее интересна глава о причинах такого массового развития трахомы в Волжско-Камском крае. Рукою опытного мастера литературного слова очерчены условия, породившие трахому в таком страшном изобилии. К этим условиям относятся: культурно-экономическая отсталость, малоземелье, плотность населения (49 чел. на кв. версту), антисанитарная обстановка жизни у народностей Среднего Поволжья, ослабление физического статуса и здоровья их, влияние т. называемого „монголизма глаза“ (узко короткая глазная щель монголо-тюркских народов), влияние тяжелого мирозерцания на уклад жизни и быта и пр. Автор разбирает все теории о причинах развития трахомы и дает им соответствующую оценку.

Особенно оригинальной по замыслу является глава о влиянии трахомы на культурно-экономическую сторону жизни наций Волжско-Камского края. Базируясь исключительно на строго проверенных научных данных, автор получил следующие результаты, свидетельствующие об отрицательном влиянии трахомы на экономику края: экономика Т. С. С. Р. теряет в год от слепых и трахоматозных 4.542.105 руб., Чувашская Автономная Область—4.680.400 руб., Марийская Авт. Обл.—1.352.000 руб.

В главе о мерах борьбы с трахомой автор выдвигает, помимо улучшения культурно-экономического состояния края, стройную систему лечебных и профилактических мероприятий. И. К. Лук'янов не только серьезный исследователь, как специалист,—но и основательный публицист. Соединяя в себе одновременно солидную эрудицию по специальному научному вопросу, отличное знание края и административный опыт по организации лечебного дела,—он предлагает вполне рациональную систему, которая не излагается здесь в виду краткости отчета.

В общем и целом работа не поддается реферированию, в виду огромного цифрового материала и обилия совершенно новых положений, освещающих жизнь современных народностей Волги и Камы во всей ее неприглядности. Глубокий анализ всех указанных явлений в жизни края,—анализ произведенный автором с совершенно новой точки зрения,—заставляет еще раз задуматься над судьбою и будущими перспективами в жизни малых народностей, населяющих Поволжье и Прикамье...

Общество надеется, что в недалеком будущем удастся издать это несомненно ценное и глубоко интересное сочинение

3) С. А. Коричев. „Заметки к вопросу по истории мелких национальностей Поволжья и Приуралья“, (Изд. О-ва).

Поволжско-приуральский край в научно-исследовательском отношении глубоко интересен, но, к сожалению, до сих пор еще недостаточно изучен. В эпоху царизма правительство и цензура всячески тормозили дело исследования народностей этого края. Имена: проф. чувашоведа Н. И. Ашмарина и проф. ориенталиста Н. Ф. Катанова служат яркой иллюстрацией вышесказанного. Эти ученые в Западной Европе давно пользуются заслуженной известностью, а в Камском крае, тогдашнем культурном центре этого края, долго оставались в тени.

В настоящее время малые народности Волги и Камы пробудились от вековой культурной спячки и начали при активном содействии Центральной власти дружно изучать свой край, свою историю, свой язык, начали создавать свою школу, литературу, искусство и пр.

Краеведческие вопросы представляют собою на местах настолько жизненно-жгучий интерес, что изучением их занимаются, кроме местных научных обществ и кружков краеведения, еще и общественные деятели.

Реферируемые „Заметки“ С. А. Коричева представляют собою одну из таких попыток изучения Волжско-Камского края. Автор „Заметок“ советский работник, счастливо соединяющий в себе и знание крестьянского хозяйства и знание рабочего быта. Сталкиваясь в процессе работы с различными хозяйственными, административными и др. вопросами, близко относящимися к жизни края, автор на своем личном опыте испытал все значение тормоза вековых отрицательных явлений, которые остались в качестве печального исторического наследия для местного населения от царизма, и урывками, между делом, набросал свои „Заметки“.

Нужно признать, что это-работа компилятивная. Но в ней подход автора к поставленным вопросам новый, оригинальный. Автор задался целью, подходя с экономической точки зрения, осветить вопрос о положении малых народностей с момента утери ими самостоятельной политической жизни. Он отмечает, что колонизаторская, руссификаторская и миссионерская политика самодержавия привела народности в безвыходное культурное и экономическое положение. Одним словом, это работа советского практика, для которого нет времени тонко вдаваться в разрешение научных проблем, но который в повседневной своей деятельности во все входит, все учитывает, каждому делу дает новое направление, исходя из принципов, конкретно поставленных Великим Октябрем. Это и нашло свое отражение в работе С. А. Коричева.

Не входя в подробную оценку работы в настоящем кратком отчете нельзя не указать, что в ней, кроме стилистических промахов, есть некоторые шероховатости и смыслового порядка. Например, на 15 стр. читаем: „В то время, когда мелкие национальности находились вне зависимости от русского государства, у русских не было ни искусства, ни литературы, ни поэзии“...

Необходимо оговориться, что такое утверждение не выдерживает критики не только, скажем, с марксистской точки зрения, последователем которой является автор, но и со всякой другой. Повидимому, здесь имеется на лицо недостаточная уточненность мысли, что можно отнести к категории т. н. ляпсусов. Однако, у автора подобные скользкие утверждения встречаются и в других местах. Нельзя не указать также на некоторую несоразмерность выводов с общим содержанием брошюры. Но это недостаток скорее внешнего порядка, относящийся к схеме или, так сказать, к архитектурной концепции сочинения.

Несмотря на важности указанных недостатков, сочинение выигрывает свежестью мысли, новизной публицистического подхода так что появление его в числе печатных трудов О-ва вполне оправдывается.

Книга представляет первый выпуск в числе трудов О-ва. К сожалению на страницы ее вкрались некоторые досадные опечатки и опiski.

IX. Заключение.

В заключение следует сказать, что работа О-ва за истекший отчетный период несмотря на ряд неблагоприятных условий была вполне удовлетворительною. Работа эта шла, главным образом, по линии подготовки к 1924 году. Из речи, произнесенной 20 апреля 1924 года Председателем О-ва Г. М. Михайловым видно, что О-во в нынешнем 1924 году широко развертывает свою деятельность. Последнее является результатом усиленной подготовительной деятельности О-ва за отчетный 1923 год.

Настоящий отчет читан и принят на заседании Совета от 3 мая 1924 г.

Председатель О-ва *Г. М. Михайлов.*

Члены Совета: { *С. А. Коричев.*
 { *Ф. П. Павлов.*
 { *Н. К. Лукьянов.*
 { *М. П. Петров.*
 { *А. Я. Яковлев.*

Секретарь *П. И. Иванов.*